УДК 327.5:004 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-5-107-123

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «РОССИЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ УГРОЗЕ» В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ДИСКУРСИВНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

***Царик В.С.*[1]**

Аннотация. Цель статьи – изучить порядок и ход мобилизации Европейского союза и его бюрократических структур на противодействие «российской информационной угрозе» после украинского кризиса (2015–2016 гг.), роль отдельных государств и органов ЕС в процессе вовлечения в борьбу с «российской дезинформацией» и особенности доктринального закрепления и институциональной организации данного противодействия в деятельности Евросоюза.

Исследование показало, что из всех коммунитарных органов Европейского союза наиболее активную роль в продвижении дискурса о «российской информационной угрозе» после украинского кризиса сыграл Европарламент, выступавший основной площадкой для вынесения данной тематики на уровень европейского публичного пространства и политической повестки дня ЕС. Наиболее значимый практический эффект в плане доктринального и институционального закрепления данного дискурса на уровне ЕС произвела Европейская служба внешних действий, в рамках которой в середине 2015 г. была образована Оперативная рабочая группа East Stratcom, ответственная за мониторинг и своевременное опровержение «российских фейков и дезинформации», озвучивавшая радикальные оценки в отношении тех или иных (про)российских информационных материалов. Наименьшую активность в деле усиления конфронтации с Россией в информационной сфере проявила Еврокомиссия. В доктринальном плане в 2015–2016 гг. Евросоюз значительно продвинулся по пути признания актуальности информационных и так называемых «гибридных» угроз, однако на уровне базовых позиционных документов, принятых в рассматриваемый период (в первую очередь Глобальной стратегии ЕС 2016 г.), прямая увязка этих угроз с Россией не была чётко артикулирована.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, дезинформация, пропаганда, дискурс, «гибридная угроза», конфронтация, институционализация.

Царик Владимир Станиславович – ст. преподаватель кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Международного юридического института, адрес: 127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, e-mail: ussura-moskva@yandex.ru

COUNTERING 'RUSSIAN INFORMATION THREAT' IN THE EUROPEAN UNION POLICY AFTER THE UKRAINE CRISIS: DISCOURSE AND INSTITUTIONAL ASPECTS

TSARIK V.S. – Senior Lecturer of the Department of General Humanities and Science Disciplines, International Law Institute (Russian Federation, Moscow), e-mail: ussura-moskva@yandex.ru

The purpose of the article is to study the order and progress of the mobilization of the European Union and its bureaucratic structures to counter the "Russian information threat" after the Ukrainian crisis (2015-2016), the role of individual states and EU bodies in the process of getting involved in the fight against "Russian disinformation" and especially doctrinal consolidation and institutional organization of this opposition in the activities of the European Union.

The study showed that of all the communitarian bodies of the European Union, the most active role in promoting the discourse on the "Russian information threat" after the Ukrainian crisis was played by the European Parliament, which was the main platform for bringing this topic to the level of the European public space and the EU political agenda. The most significant practical effect in terms of doctrinal and institutional consolidation of this discourse at the EU level was made by the European External Action Service, within which in mid-2015 the East Stratcom Task Force was formed. The East Stratcom Operational Working Group, responsible for monitoring and timely refutation of "Russian fakes and disinformation", voiced radical assessments in relation to certain (pro) Russian information materials. The European Commission has shown the least activity in strengthening the confrontation with Russia in the information sphere. In doctrinal terms, in 2015–2016 the European Union has made significant progress towards recognizing the relevance of information and so-called "hybrid" threats, however, at the level of the basic position documents adopted during the period under review (primarily the EU Global Strategy 2016), the direct linkage of these threats to Russia was not clearly articulated.

Keywords: Russia, European Union, disinformation, propaganda, discourse, 'hybrid threat', confrontation, institutionalization.

Введение

События украинского кризиса 2013–2014 гг. привели к формированию на Западе дискурса о так называемой «российской информационной угрозе», исходящей якобы от распространения российскими источниками «дезинформации», «пропаганды, «фейковых новостей» и других видов намеренно необъективной, ложной информационной продукции для создания нужных Москве

политических эффектов и манипулирования массовым сознанием определённой целевой аудитории. Инициаторы данного дискурса стремились вынести указанную угрозу на повестку дня наиболее авторитетных международных организаций, добиться её признания в качестве объективного факта в официальной риторике западных государств и институтов, обеспечить закрепление в их позиционных и доктринальных документах необходимости противодействия этой угрозе и способствовать формированию как на национальном, так и на международном уровнях институциональной инфраструктуры для борьбы с ней. Таким образом формировалось новое измерение политической конфронтации с Россией, позволяющее поддерживать её вне зависимости от изменений конъюнктуры в практических сферах взаимодействия.

Одним из основных объектов продвижения дискурса о «российской информационной угрозе» выступал Европейский союз и его коммунитарные институты. Ещё на этапе разворачивания программы Восточного партнёрства Евросоюз взял курс на распространение своей идеологической и ценностной гегемонии на постсоветское пространство. Это неизбежно приводило к возникновению конкуренции в публичном и информационном пространстве за влияние на правящие элиты и общественное мнение стран – адресатов данной программы. Разгоревшийся в конце 2013 г. кризис вокруг подписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС в риторике ряда европейских политиков и функционеров Евросоюза был представлен как следствие тиражирования неких не соответствующих действительности «мифов» о соглашении и, шире, о восточной политике ЕС в целом[1].

Однако от прямого вовлечения в дискурс о «российской информационной угрозе» и его реификации на доктринальном и институциональном уровнях коммунитарные институты ЕС долгое время воздерживались. Несмотря на то, что отдельные государства – члены ЕС активно педалировали тему «российской пропаганды», ввели ряд запретительных мер в отношении российских СМИ и инициировали официальные проекты по изучению методов противодействия «российской дезинформации» уже в 2014 г., Евросоюз в целом оставался в стороне от данного процесса, отчасти из-за нежелания отдельных государств-членов антагонизировать Россию, отчасти из-за бюрократической инерции, отчасти из-за истечения в 2014 г. срока полномочий действующего состава Европарламента и Еврокомиссии, ограничивающего возможности для инициирования кардинальных политических и институциональных трансформаций.

[1] См. статью Царик В.С. Борьба с "российской дезинформацией" в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского союза // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Том 14, № 6. – С. 109–125.

Противодействие «российской информационной угрозе» в политике Европейского Союза после украинского кризиса

В настоящей работе исследуются порядок и ход мобилизации Европейского союза и его бюрократических структур на противодействие «российской информационной угрозе» после украинского кризиса, роль отдельных государств и органов ЕС в процессе вовлечения в борьбу с «российской дезинформацией» и особенности доктринального закрепления и институциональной организации данного противодействия в деятельности Евросоюза. Хронологически рамки исследования ограничиваются периодом 2014–2016 гг., когда указанный процесс развивался только под влиянием событий украинского кризиса и ещё не получил дополнительного импульса от перипетий президентских выборов в США в конце 2016 г. и других резонансных событий.

Инициативная кампания с целью заставить Евросоюз признать актуальность «российской информационной угрозы» и включиться в становление системы противодействия ей вышла на официальный уровень только в начале 2015 г. Она развивалась на трёх основных направлениях – Европарламента, Еврокомиссии и Европейской службы внешних действий (ЕСВД). К каждому из этих органов апеллировали заинтересованные игроки с целью добиться выделения финансовых и административных ресурсов под различные ситуативные проекты и регулярную деятельность по борьбе с российской пропагандой.

После целого ряда мероприятий на уровне неправительственных организаций 8 января 2015 г. четыре государства ЕС – Великобритания, Дания, Литва и Эстония – направили новоназначенному Верховному представителю по внешним делам и политике безопасности Федерике Могерини позиционный документ [1], призывающий Евросоюз усилить публичное сопротивление распространению дезинформации и пропаганды в ЕС и в восточных странах-партнёрах, оказать поддержку независимым и альтернативным каналам информации, в том числе в России, и обеспечить достаточную устойчивость жизненно важных систем ЕС к информационным манипуляциям при сохранении базовых ценностей. В этом документе содержался широкий перечень предлагаемых мер, включая создание отдельной веб-платформы для разоблачения «фейков», поддержку альтернативных русскоязычных СМИ, создание специального телеканала с русским языком вещания, разработку специального плана действий в этой сфере на ближайшие два года. Тем не менее создание отдельного структурного подразделения для борьбы с российской пропагандой там пока не упоминалось.

Неделю спустя к кампании по продвижению темы информационной войны со стороны России подключился Европарламент. Был реализован традиционный

[1] Lidegaatd M. et al. EU Strategic communication responding to propaganda. Non-paper. – 2015 – 8 January. – URL: http://club.bruxelles2.eu/wp-content/uploads/2015/02/Let-StratCommRussie-DkEstLitUk@UK150108.pdf (дата обращения: 28.06.2020).

алгоритм, согласно которому ЕП сначала формулирует крайне амбициозную повестку дня, затем Еврокомиссия или другие коммунитарные органы на основе его позиции представляют чуть менее амбициозные, но всё равно далекоидущие проекты решений, к которым некоторые государства-члены ещё не готовы, а потом разворачивается публичное и непубличное обсуждение, в ходе которого колеблющиеся страны вынуждены соглашаться с большей частью предложенных мер под «интеграционным давлением»[1]. 15 января 2015 г. Европарламентом была утверждена резолюция по ситуации на Украине, в которой содержалось решительное осуждение якобы проводимой Россией «агрессивной и экспансионистской политики» по отношению к Украине и формулировался тезис о ведении Россией «гибридной войны» с использованием различных элементов информационной войны, кибератак, засылки нерегулярных боевых формирований и т. д. Еврокомиссии и Комиссару по европейской политике соседства и переговорам по расширению было поручено в течение двух месяцев *«подготовить и представить в парламент в течение двух месяцев коммуникационную стратегию по противодействию российской кампании, направленной против ЕС, его восточных соседей и самой России, и разработать инструменты, которые позволили бы ЕС и его государствам – членам противодействовать пропагандистской кампании на европейском и национальном уровнях»* [2]. Схожие поручения содержались в пресс-релизе по итогам заседания Совета ЕС по внешним делам, прошедшего 29 января в Брюсселе, где в свете обсуждения конфликта на Украине Высокому представителю было поручено *«изучить возможность формирования специальной коммуникационной команды»* для *«укрепления стратегических коммуникаций ЕС»*, *«исправления искажённой информации по мере её появления и оказания поддержки дальнейшему развитию независимых СМИ в регионе»*[3].

Однако результаты заседания показались недостаточными руководству Латвии, которая по ротации осуществляла председательство в Совете Европейского союза в первой половине 2015 г., и 6 февраля оно направило евроинтеграционным институтам собственный позиционный документ, в котором призывает их перекрыть возможности для *«кампаний дезинформации, проводимых акторами вне ЕС, которые пытаются повлиять, бросить вызов и подорвать наши общества и влияние политики ЕС в нашем соседстве»*[4]. В нём

[1] Vilson M. The Europeanization of foreign policy in the face of the Russian disinformation war // Sõjateadlane (Estonian Journal of Military Studies). – 2016. – Vol. 2. – P. 135.

[2] European Parliament. Resolution of 15 January 2015 on the situation in Ukraine. – 2015 – 15 January. URL: https://clck.ru/RhdKH (дата обращения: 28.06.2020).

[3] Council of the European Union. Outcome of the Council Meeting. – 2015 – 29 January. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/23243/st05755en15.pdf. (дата обращения: 28.06.2020).

[4] Цит. по Rettman A. EU to strike back at Russian propaganda // EU Observer. – 2015. – 19 March. URL: https://euobserver.com/foreign/128071 (дата обращения: 28.06.2020).

также говорится, что комиссия должна как можно скорее завершить процесс пересмотра законодательства в аудиовизуальной сфере и предоставить промежуточный доклад о возможностях обойти национальные законы в сфере медиа для внешних игроков[1].

После эскалации конфликта на Донбассе и заключения вторых минских соглашений в феврале 2015 г. антироссийские силы активизировали свои усилия, получив возможность утверждать, будто угроза российской агрессии не спадает и может коснуться любой другой европейской территории. Ряд заинтересованных государств-членов, опираясь на поддержку в Европарламенте, требовал от Евросоюза закрепить свою роль в информационном противодействии России не только в качестве разового политического обязательства и пакета практических мер, но и в качестве систематической институционализированной деятельности от лица коммунитарных институтов. Идя на поводу у этой группы, высшие европейские функционеры постепенно репродуцировали её дискурс и выражали готовность реализовать предлагаемые ею меры. Это вылилось в принятие евроинтеграционными институтами ряда решений, в том числе и в информационной сфере.

Ещё на неформальном саммите министров обороны ЕС, прошедшем в рамках латвийского председательства в Риге 18–19 февраля 2015 г., обсуждалась необходимость усилить потенциал ЕС в отношении «гибридных угроз» и стратегических коммуникаций[2]. А 6 марта 2015 г., выступая на межпарламентской конференции в Риге, глава дипломатии ЕС Федерика Могерини в ответ на призывы со стороны прибалтийских лидеров заявила, что в Евросоюзе ведётся работа над тем, чтобы противостоять российской пропаганде на русском языке среди русскоязычного населения не только в странах – восточных соседях ЕС и в России, но и в странах – членах ЕС[3].

12 марта 2015 г. в резолюции Европарламента, утверждающей ежегодный отчёт Высокого представителя по внешним делам и политике безопасности[4], были прописаны пункты, призывающие его в качестве приоритетной задачи выработать стратегию ЕС в отношении России, а также подчёркивалась *«необходимость в целостном европейском подходе к кампаниям искажения информации и*

[1] Там же.

[2] EU Defence Ministers in Riga call for unity in addressing European security threats. Media Release // Latvian Presidency of the Council of the European Union. – 2015 – 19 February. URL: https://eu2015.lv/news/media-releases/666-eu-defence-ministers-in-riga-call-for-unity-in-addressing-european-security-threats(дата обращения: 28.06.2020).

[3] Добровольский В. Могерини: ЕС работает над ответом на "пропаганду" на русском языке // РИА Новости. – 06.03.2016. URL: https://ria.ru/20150306/1051245164.html?in=t

[4] European Parliament. Resolution on the Annual Report from the High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy to the European Parliament – 2015. – 12 March. URL: https://clck.ru/RhdJL (дата обращения: 28.06.2020).

пропаганды, проводимым Россией как в пределах, так и за пределами ЕС» и содержался призыв к ЕСВД и Еврокомиссии представить план действий с конкретными мерами противодействия российской пропаганде и наладить сотрудничество в этой сфере с Центром стратегических коммуникаций НАТО. А в принятом по результатам заседания Европейского Совета 19–20 марта Заключении подчёркивается *«необходимость противодействовать проводимым России кампаниям по дезинформации и предложено Высокому представителю в сотрудничестве с государствами-членами и институтами ЕС подготовить к июню план действий по стратегической коммуникации. Создание коммуникационной команды является первым шагом в этом направлении»*[1]. В апреле на базе этого решения в рамках ЕСВД создаётся группа экспертов для разработки соответствующего плана действий. Характерной чертой этого этапа усиления европейской риторики было принятие в совместных документах «компромиссных» формулировок, которые всё ещё устраивали нейтральные по отношению к России страны, но уже существенно ужесточали определение её поведению и влекли дальнейшую раскрутку конфронтации. Например, появление термина «дезинформация» в упомянутом Заключении было представлено в СМИ как компромисс вследствие нежелания некоторых государств-членов утверждать формулировку о «российской пропаганде»[2].

Институционализация инфраструктуры информационной войны с Россией как таковая происходила путём смещения фокуса от собственно России как единственного источника этих угроз и возможности нейтрализовать их путём нормализации отношений с Россией в сторону генерализации этих угроз как отдельного класса вызовов безопасности в современном мире, в рамках которого угрозы, исходящие от России, являются пусть и наиболее показательными, но далеко не единственными. Таким образом, помимо усилий в сугубо информационной сфере ЕС закладывал основу для противодействия «гибридным угрозам» как самостоятельному направлению в рамках политики безопасности.

Так, 13 мая Европейская служба внешних действий представила неофициальный доклад «Пища для размышлений – Противодействие гибридным угрозам»[3], в котором под одним ярлыком объединялись угрозы, исходящие от действий России в восточном соседстве ЕС и ИГИЛ в южном, и перечислялись возможные шаги в рамках противодействия данным угрозам в рамках трёх направлений – повышения осознанности собственных уязвимостей, способных

[1] European Council. Conclusions on external relations. – 2015 – 19 March. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/03/19/conclusions-russia-ukraine-european-council-march-2015/ (дата обращения: 28.06.2020).

[2] Цит. по Rettman A. EU to strike back at Russian propaganda // EU Observer. – 2015. – 19 March. URL: https://euobserver.com/foreign/128071 (дата обращения: 28.06.2020).

[3] European External Action Service. Food-for-thought-paper “Countering Hybride Threats”. – 2015. – 13 May. URL: http://www.statewatch.org/news/2015/may/eeas-csdp-hybrid-threats-8887-15.pdf

стать объектами «гибридных атак», укрепления устойчивости к ним, сдерживания «гибридной агрессии» благодаря неизбежному наказанию агрессора и недопущению получения им ожидаемого выигрыша и усиления потенциала для ответа на подобные атаки. Функционеры ЕСВД предлагали учредить в рамках службы специальную группу для сбора и обработки данных о текущей ситуации и сигналов о «гибридных угрозах», поступающих от государств и органов ЕС, а также проведения исследований и выработки доктрины противодействия «гибридным угрозам» в масштабе всего Евросоюза.

18 мая 2015 г. Совет по внешним делам одобрил Выводы по общей политике безопасности и обороны, в которых среди прочего содержалось поручение Высокому представителю *«в тесном сотрудничестве со службами Комиссии и Европейским агентством обороны и в консультации с государствами – членами ЕС представить к концу 2015 г. согласованный комплекс действенных предложений по противостоянию гибридным угрозам и повышению устойчивости ЕС и его государств-членов, а также стран-партнёров. Должна приниматься во внимание соответствующая работа, касающаяся киберзащиты, раннего предупреждения, стратегических коммуникаций, соответствующая внутренней и внешней политике ЕС… подчеркивается необходимость взаимодополняемости и прозрачного сотрудничества и координации в этой области с соответствующими партнёрскими организациями, включая, в частности, НАТО, а также странами-партнёрами»*[1]. Срок до конца 2015 г., по всей видимости, был поставлен из расчёта на то, что до этого времени уже будет подготовлена соответствующая стратегия НАТО в этой сфере, в которой Альянс возьмёт на себя основную политическую ответственность и материальные расходы на отражение «гибридных угроз», тогда как Евросоюз сможет выполнять в этом отношении вспомогательную функцию.

В преддверии июньского саммита Европейского Совета резонанс антироссийской кампании поддержал Европарламент, приняв развёрнутую и весьма жёсткую резолюцию о состоянии отношений между ЕС и Россией[2], в которой отмечалось, что *«Россия активно использует гибридную войну, намеренно стирая грани между военной / военизированной деятельностью и политической активностью»*, в связи с чем государства – члены ЕС должны эффективно, скоординированно устранить слабые места в разных сферах своей политики, включая информационную и кибернетическую безопасность.

К 16 июня 2015 г. Высокий представитель ЕС Федерика Могерини во

[1] Foreign Affairs Council. Council Conclusions on CSDP. – 2015 – 18 May. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/24520/st08971en15.pdf . (дата обращения: 28.06.2020).

[2] European Parliament. Resolution of 10 June 2015 on the state of EU-Russia relations. – 2015 – 10 June. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2015-0225+0+DOC+XML+V0//EN (дата обращения: 28.06.2020).

исполнение поручения Европейского Совета от 19–20 марта предоставила проект плана действий по стратегической коммуникации с целью противодействия «российской дезинформации», текст которого был обнародован заранее, а 22 июня план был утверждён; общая координирующая и контролирующая роль в ходе его реализации была возложена на Оперативную рабочую группу East StratCom Task Force[1].

В этом плане были поставлены следующие задачи: 1) эффективная коммуникация и продвижение политики ЕС в восточном соседстве; 2) усиление общей медийной среды, включая поддержку независимых СМИ; 3) повышение общественной осведомлённости о дезинформационных действиях внешних акторов и усиление возможностей ЕС в плане прогнозирования и реагирования на такие действия. Основным шагом на пути к достижению заявленных целей в плане было заявлено укрепление потенциала Евросоюза в сфере стратегических коммуникаций путём развёртывания к сентябрю 2015 г. во внешнеполитической службе ЕС Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force). Заметим, что в мартовском поручении Евросовета предполагалось создание *команды* East StratCom Team, однако к моменту реализации поручения в сентябре она уже фигурировала как *оперативная группа* (постоянно действующих) *сил*, что подчёркивало её стационарный статус. Работа группы, как предполагалось, должна быть направлена прежде всего на проактивное донесение информации о политике ЕС в восточном соседстве и за его пределами. В частности, группа должна выявлять идущие кампании дезинформации и готовить материалы для лидеров, органов и делегаций ЕС с предложениями об улучшении стратегических коммуникаций с учётом специфики целевой аудитории и её интересов.

За обтекаемыми дипломатичными формулировками крылось вполне конкретное содержание. С одной стороны, подавлять российские нарративы предполагалось через создание сети вещания на русском языке в странах Восточного партнёрства. С другой стороны, предполагалось задействовать «возросшую сознательность» самих европейских СМИ, которые должны были отказывать в предоставлении прямого слова российским представителям и придерживаться презумпции подрывных намерений исходящих от России нарративов как «дезинформационных» и направленных на подрыв институтов ЕС. Национальные регуляторы должны были исключать неблагоприятную с точки зрения нарративов ЕС информацию. На национальном уровне предполагалось обучать местных журналистов освещению событий в русле лояльного Евросоюзу «коммуникационного материала», разработать которые предполагалось сообща.

Таким образом, план действий 2015 г. сочетал в себе одновременно два

[1] European External Action Service. Action Plan on Strategic Communications. – 2015. – 22 June. URL: http://archive.eap-csf.eu/assets/files/Action%20PLan.pdf (дата обращения: 28.06.2020).

подхода к борьбе с «российской дезинформацией», которые отечественные исследователи называют патерналистским и адаптивным[1]. Первый предполагает императивное ограничение распространения нежелательной информации государственными органами, поэтому более точно назвать его регуляторным, второй рассчитан на повышение сознательности и медиаграмотности общества, его готовности самостоятельно отсекать ложную и деструктивную информацию. На самом деле оба подхода логично дополняют друг друга, поскольку без создания должных регуляторных рамок, квалифицирующих определённую информацию как нежелательную, невозможно наладить эффективную систему фактической самоцензуры в СМИ и других публичных площадках.

В выводах саммита 25–26 июня была утверждена необходимость усиления Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, в том числе путём мобилизации инструментов для противодействия «гибридным угрозам»[2].

Таким образом за сравнительно небольшой, по меркам брюссельской бюрократической машины, промежуток времени с января по июнь 2015 г. Евросоюзом был принят ряд базовых политических решений относительно организации системы информационного противодействия России[3]. В дальнейшем происходило главным образом выполнение этих решений, их конкретизация и становление анонсированных структур.

Созданная на волне резонанса текущей политической конъюнктуры, Рабочая группа East StratCom изначально не имела ни чётких полномочий, ни собственного бюджета. Из девяти вошедших в её состав русскоязычных экспертов четверо были штатным сотрудниками ЕСВД, а пятеро делегировались национальными правительствами Великобритании, Дании, Чехии, Латвии и Эстонии на основании годичного трудового контракта[4]. Её главная миссия состояла в информировании общественности стран Восточного партнёрства о политике Евросоюза и оказании поддержки делегациям ЕС в этих странах. Кроме того, в её функции входили мониторинг российских СМИ и выработка предложений ЕС для формирования противодействующей медийной стратегии, но не собственно ведение контрпропаганды, т. е. генерирование медиаконтента и выпуск собственных

[1] Романова Т.А., Соколов Н.И., Колотаев Ю.Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 53–67.

[2] European Council. Meeting (25 and 26 June 2015) Conclusions. – 2015. – 26 June. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/21717/euco-conclusions-25-26-june-2015.pdf. (дата обращения: 28.06.2020).

[3] Vilson M. The Europeanization of foreign policy in the face of the Russian disinformation war // Sõjateadlane (Estonian Journal of Military Studies). – 2016. – Vol. 2. – P. 134.

[4] Panichi J. EU declares information war on Russia // Politico. – 2015. – 27 August. URL: https://www.politico.eu/article/russia-propaganda-ukraine-eu-response-disinformation/ (дата обращения: 28.06.2020).

информационных ресурсов[1]. Скромная постановка задачи для новой Оперативной группы, ограниченная сугубо пространством восточного соседства, не затрагивающая собственно страны ЕС и не предусматривающая самостоятельной роли в контрпропагандистской деятельности, объяснялась якобы недостаточной приоритетностью сферы борьбы с дезинформацией в глазах Высокого представителя[2] и нежеланием многих государств-членов усугублять конфликт с Россией[3]. Чтобы преодолеть это сопротивление, проводники антироссийской линии представляли эту сдержанную позицию как ангажированность, непроявление солидарности и торможение интеграции на одном из ключевых направлений внешней политики Евросоюза.

Осенью 2015 г. Оперативная группа East StratCom разворачивает конкретную деятельность по мониторингу информационного пространства и выявлению «российской дезинформации». С ноября 2015 г. она начинает издавать регулярный Обзор дезинформации и создаёт специальную базу, регистрирующую случаи появления якобы неправдивой информации о деятельности ЕС.

Показательно, что практически с самого начала эта работа не была ограничена установленными в решениях ЕС рамками и, самое главное, не была основана на каких-либо строгих критериях объективности и достоверности. В итоге деятельность по выявлению «дезинформации» на деле ожидаемо обернулась деятельностью по выявлению любых отклонений от официальной западной трактовки текущих событий как в российских, так и в европейских СМИ и стигматизации их в качестве «фейков» и «пропаганды». И хотя её эффективность в плане влияния на русскоязычную общественность с самого начала вызывала сомнения[4], запущенные таким образом интерпретации российского нарратива разносились по европейским и украинским масс-медиа, выступая своеобразным эталоном для всех «независимых СМИ». Навешивая ярлык «пропаганды» на те или иные тезисы официальной риторики РФ, Оперативная группа тем самым снимала потребность в оппонировании им с помощью доказательной аргументации. Наконец, постоянно пополняемая база якобы «российских фейков» создавала иллюзию действительно острой и неослабевающей угрозы наступления на европейские ценности со стороны враждебной силы и при этом доказывала необходимость закрепить деятельность Группы на постоянной основе и придать ей самостоятельный институциональный вес в структуре Европейской службы внешних

[1] Ibid.

[2] Scheidt M. The European Union versus External Disinformation Campaigns in the Midst of Information Warfare: Ready for the Battle? // EU Diplomacy Paper. – 2019. – №1. – P.13. – URL: https://clck.ru/RhdLY (дата обращения: 28.06.2020).

[3] Panichi J. EU Splits in Russian media war // Politico. – 2015. – 17 September. URL: https://www.politico.eu/article/eu-russia-propaganda-kremlin-media/(дата обращения: 28.06.2020).

[4] Vilson M. The Europeanization of foreign policy in the face of the Russian disinformation war // Sõjateadlane (Estonian Journal of Military Studies). – 2016. – Vol. 2. – P. 130.

действий.

Создание Оперативной группы тем не менее не закрывало вопрос о противодействии «гибридным угрозам» в целом, и после того, как соответствующая стратегия была выработана в рамках НАТО в декабре 2015 г., работа над собственным видением мер в этой области была активизирована в Евросоюзе.

Эта работа развивалась на двух направлениях: во-первых, в направлении закрепления на формально-дискурсивном и политическом уровнях тезиса о России как о перманентном источнике «гибридных угроз» для ЕС, а во-вторых, в направлении разработки доктринального обоснования, выявления и обозначения путей борьбы с такими угрозами в целом.

На первом направлении прогресс был достигнут в контексте подготовки визита Ф. Могерини в Москву конце 2015 г., на фоне которой в ЕС была инициирована кампания по выработке «общего подхода» в отношении России, дабы сформировать политические и институциональные барьеры возможному пересмотру конфронтационного курса со стороны отдельных государств-членов или высших функционеров Союза. В результате 14 марта 2016 г. министры иностранных дел 28 стран – членов ЕС согласовали «пять руководящих принципов» политики ЕС в отношении России, одним из которых провозглашалась устойчивость к российским угрозам, таким как энергетическая безопасность, гибридные угрозы и дезинформация[1].

На втором направлении общего доктринального закрепления «гибридных угроз» ключевым событием стало представление 6 апреля 2016 г. Совместного послания Еврокомиссии и Высокого представителя Европарламенту и Европейскому совету под названием «Общая рамочная программа противодействия гибридным угрозам – ответ Европейского союза» [2]. Послание носило менее политизированный и антироссийский характер, так как «гибридные угрозы» в нём были представлены как объективно существующий элемент реального стратегического ландшафта, связанный не только с политикой России. Основная ответственность за отражение «гибридных угроз» возлагалась на государства-члены с учётом их потенциальных уязвимостей, но, поскольку многие из них сталкиваются с общими угрозами и вызовами, признавалось целесообразным сформировать набор возможных инструментов на уровне Евросоюза и его механизмов.

В институциональном плане предлагалось, во-первых, формирование в рамках Разведывательного и ситуационного центра ЕСВД специального Центра по

[1] The EU's Russia policy: Five guiding principles // European Parliament Think Tank. – 08.02.2018. URL: http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2018)614698 (дата обращения: 28.06.2020).

[2] European Commission. Joint Framework on countering hybrid threats a European Union response // EUR-Lex – 2016. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018 , http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-1250_en.htm (дата обращения: 28.06.2020).

анализу гибридных угроз (EU Hybrid Fusion Cell) как основного локуса сбора информации о текущих и потенциальных «гибридных угрозах» от различных игроков – органов и государств – членов ЕС – и координации их действий, а во-вторых, создание отдельного или межведомственного Центра передового опыта для противодействия «гибридным угрозам», который осуществлял бы стратегическую оценку и выработку стратегий отражения «гибридных угроз». В информационной сфере программа содержала предложения по укреплению стратегических коммуникаций государств-членов и их координации в целях адекватного мониторинга СМИ с учётом лингвистических возможностей, а также удаления нелегального контента экстремистского характера из информационного пространства.

Значение данного документа с точки зрения выстраивания инфраструктуры информационного противодействия России весьма амбивалентно. С одной стороны, его менее политизированный и идеологизированный характер несколько снижал общий градус истерии и переводил дискуссию в более абстрактную плоскость. Но, с другой, происходила рутинизация сферы «гибридных угроз» в бюрократическом аппарате Евросоюза, превращение её в отдельное направление деятельности как таковое, вне зависимости от реального наличия данного типа угроз и степени их актуальности.

В ещё большей степени линия на снижение политического резонанса вокруг данной тематики проявилась в ходе запущенного ранее стратегического обзора, вылившегося в разработку ЕСВД Глобальной стратегии Европейского союза «Общее видение, общие действия: более сильная Европа»[1], обнародованной 28 июня 2016 г. Несмотря на то, что в нём воспроизведены базовые дискурсивные маркёры общей позиции ЕС в отношении России в духе мартовских «пяти принципов», Россия там не названа источником «гибридных угроз», и сами эти угрозы не выделяются в отдельное направление деятельности, а только перечисляются в общем списке новых трансграничных вызовов наряду с терроризмом, кибер- и организованной преступностью. Зато в отдельное направление выделены стратегические коммуникации, усиление которых фигурирует, правда, последним пунктом в перечне приоритетов политики безопасности ЕС. В этом пункте среди прочего сказано, что ЕС будет *«давать быстрые фактические опровержения дезинформации»* и *«продолжать укреплять открытую критическую медиасреду внутри ЕС и за его пределами, в том числе работая с местными игроками и через социальные сети»*.

Таким образом, на уровне ключевых доктринальных позиционных документов Евросоюз не стал придавать тематике «гибридных угроз» и дезинформации

[1] European External Action Service. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. – 2016. – June. – 60 p. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf(дата обращения: 28.06.2020).

излишний политический приоритет и снизил градус антироссийского накала в своей официальной риторике, воспроизводя вместе с тем базовые формулировки и характеристики, выработанные на пике украинского кризиса.

Дополнительные функции в информационной сфере были приданы и Еврокомиссии. Так, в середине 2016 г., в связи с отставкой британского представителя в этом органе лорда Хилла вследствие голосования британских избирателей за выход из Евросоюза, глава Еврокомиссии принял решение учредить новую должность Комиссара по Союзу безопасности и назначить на неё другого британского представителя – сэра Джулиана Кинга на тот период, пока Лондон и Брюссель будут вести переговоры по дальнейшему характеру взаимоотношений. Примечательно, что ни проект Союза безопасности, разработанный Еврокомиссией весной 2016 г.[1], ни открытое письмо Жан-Клода Юнкера с описанием мандата нового комиссара [2] не содержали упоминания «гибридных угроз». Однако среди полномочий Кинга на его странице на сайте Еврокомиссии фигурировала борьба с террористической пропагандой [3], а в штатном расписании сфер ответственности его команды значились в том числе и «гибридные угрозы»[4]. Сам же сэр Джулиан с самого начала активно включился в публичную кампанию по раздуванию значимости данных угроз и необходимости выработки общего европейского ответа на них, в некоторой степени перетягивая функции Высокого представителя и ЕСВД.

Новая волна обвинений в адрес российского руководства в связи с предполагаемым вмешательством «русских хакеров» в американскую избирательную кампанию осенью 2016 г. дала повод русофобским силам в Европе вновь вынести данную тематику на повестку дня. На фоне подобного всплеска интереса Комитет по внешним делам Европарламента вернулся к рассмотрению выдвинутого за полгода до этого проекта евродепутата Анны Фотыги о противодействии внешней пропаганде, результатом которого стало принятие Европарламентом 23 ноября 2016 г. резолюции «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон». В ней излагаются стандартные обвинения из концепции «гибридной войны», в рамках которой Россия и ИГИЛ якобы атакуют ЕС, ведут враждебную пропаганду, стремятся расколоть ЕС, но отвечать на пропаганду надо не пропагандой, а *«повышением способности граждан к критическому мышлению»*[5]. При этом фокус внимания

[1] European Commission. Delivering on the European Agenda on Security to fight against terrorism and pave the way towards an effective and genuine Security Union – 2016. – 20 April. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52016DC0230&from=EN

[2] Juncker J.-C. Mission Letter. – 2016 – 2 August. URL : https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/king_en.pdf дата обращения: 28.06.2020).

[3] Commissioner (2016-2019) Julian King. – URL: https://clck.ru/RhdMs (дата обращения: 28.06.2020).

[4] Julian King's team. – URL: https://clck.ru/RhdNN (дата обращения: 28.06.2020).

[5] Be aware of Russian and ISIS propaganda, warn foreign affairs MEPs // European Parliament –

постепенно смещается от стран Восточного партнёрства на западное сообщество в целом. Так, согласно резолюции, Москва якобы *«активно использует широкий спектр средств и инструментов, включая специальные фонды, многоязычные телевизионные каналы, информационные агентства, социальные медиа и интернет-троллей для нападок на западные ценности, разъединения Европы, обеспечения внутренней поддержки и создания восприятия, что страны (программы) «Восточного партнёрства» являются несостоявшимися»* [1]. Европарламент также призвал Еврокомиссию и отдельные страны ЕС увеличить финансирование *«демократических инструментов ЕС»*, в частности, различных фондов и НГО, СМИ стран «Восточного партнёрства» и др., увеличить персонал и бюджет Оперативной группы EastStratCom, преобразовав её в полноправный отдел ЕСВД, и обеспечить её собственным веб-сайтом, а не только Твиттер-аккаунтом @EUvsDisInfo.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что из всех коммунитарных органов Европейского союза наиболее активную роль в продвижении дискурса о «российской информационной угрозе» после украинского кризиса сыграл Европарламент, выступавший основной площадкой для вынесения данной тематики на уровень европейского публичного пространства и политической повестки дня ЕС. Среди государств-членов систематические усилия для мобилизации Евросоюза на противодействие «российской пропаганде и дезинформации» прилагали Польша, страны Прибалтики, Великобритания и скандинавские страны. Они не только первыми приняли ограничительные или запретительные меры в отношении российских СМИ, но и регулярно инициировали рассмотрение данного вопроса на уровне ведущих межправительственных органов ЕС, настаивали на создании в рамках коммунитарных органов специальных подразделений, нацеленных на информационное противодействие России, и оперативно направили своих представителей в эти подразделения.

В процессе продвижения данных инициатив ключевой упор делался на преувеличение якобы исходящей от «российской пропаганды» угрозы для безопасности Евросоюза в целом, её способности спровоцировать новые кризисы в странах – членах ЕС, а также на необходимости проявлять

10.10.2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20161010IPR46530/be-aware-of-russian-and-isis-propaganda-warn-foreign-affairs-meps дата обращения: 28.06.2020).

[1] European Parliament. Resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties. – 2016. – 23 November. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P8-TA-2016-0441&format=XML&language=EN дата обращения: 28.06.2020).

солидарность и сохранять консенсус в отношении восточной политики ЕС. Первоначальное уклонение представителей других стран от антироссийской активности стигматизировалось как безответственный отказ от европейской солидарности и готовность игнорировать непосредственные насущные угрозы.

Наиболее значимый практический эффект в плане доктринального и институционального закрепления данного дискурса на уровне ЕС произвела Европейская служба внешних действий, функционеры которой в сжатые сроки подготовили доклады и планы действий касательно организации работы по противодействию «российской пропаганде» и отражению «гибридных угроз». Именно в рамках ЕСВД была образована Оперативная рабочая группа East Stratcom, ответственная за мониторинг и своевременное опровержение «российских фейков и дезинформации». При том, что институциональный статус группы изначально определялся как невысокий, а её мандат был прописан довольно узко и касался сугубо русскоязычного информационного пространства, её деятельность приняла более серьёзный масштаб, а возможность самостоятельного публичного позиционирования позволяла озвучивать более радикальные по сравнению с риторикой коммунитарных органов оценки в отношении тех или иных (про)российских информационных материалов.

Наименьшую активность в деле усиления конфронтации с Россией в информационной сфере проявила Еврокомиссия.

В доктринальном плане в 2015–2016 гг. Евросоюз значительно продвинулся по пути признания актуальности информационных и так называемых «гибридных» угроз, однако на уровне базовых позиционных документов, принятых в рассматриваемый период (в первую очередь Глобальной стратегии ЕС 2016 г.), прямая увязка этих угроз с Россией была ослаблена. Тем не менее эти документы институционализировали механизм информационного противостояния, создавая дополнительные каналы влияния и аргументационную базу для антироссийских сил и существенно ограничивая возможность донесения российской точки зрения до западной аудитории. Сами по себе эти изменения усиливали антироссийский консенсус в Евросоюзе и становились предпосылкой для поддержания и дальнейшего ужесточения конфронтации с Россией, что показали последующие перипетии вокруг выборов в США и «дела Скрипалей».

Библиография/References:

1. Романова Т.А., Соколов Н.И., Колотаев Ю.Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 53–67.

2. Царик В.С. Борьба с "российской дезинформацией" в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского союза // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т.14. – № 6. – С. 109-125.

3. Panichi J. EU declares information war on Russia // Politico. – 2015. – 27 August. – URL: https://www.politico.eu/article/russia-propaganda-ukraine-eu-response-disinformation/

4. Panichi J. EU Splits in Russian media war // Politico. – 2015. – 17 September. – URL: https://www.politico.eu/article/eu-russia-propaganda-kremlin-media/

5. Rettman A. EU to strike back at Russian propaganda // EU Observer. – 2015. – 19 March. – URL: https://euobserver.com/foreign/128071

6. Scheidt M. The European Union versus External Disinformation Campaigns in the Midst of Information Warfare: Ready for the Battle? // EU Diplomacy Paper. – 2019. – No. 1. – URL: https://www.coleurope.eu/system/tdf/research-paper/edp_1_2019_scheidt.pdf?file=1&type=node&id=51569&force=

7. Vilson M. The Europeanization of foreign policy in the face of the Russian disinformation war // Sõjateadlane (Estonian Journal of Military Studies). – 2016. – Vol. 2. – P. 114-140.

1. Romanova, T.A., Sokolov, N.I., Kolotaev, Iu.Iu. (2020) Dezinformatsiia (feikovye novosti, propaganda) kak ugroza stressoustoichivosti: podkhody na urovne Evrosoiuza i Litvy kak ego chlena [Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania] // Baltiiskii region [The Baltic region]. – T. 12. – № 1. – P. 53–67. (In Russ.)

2. Tsarik, V.S. (2019) Bor'ba s "rossiiskoi dezinformatsiei" v publichnom pozitsionirovanii zapadnykh institutov: analiz ofitsial'nykh saitov NATO i Evropeiskogo soiuza [Fighting against ‘Russian disinformation’ in public positioning of Western institutions: analysis of official sites of NATO and the European Union] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian journal of social sciences]. – T. 14. – № 6. – P. 109-125. (In Russ.)